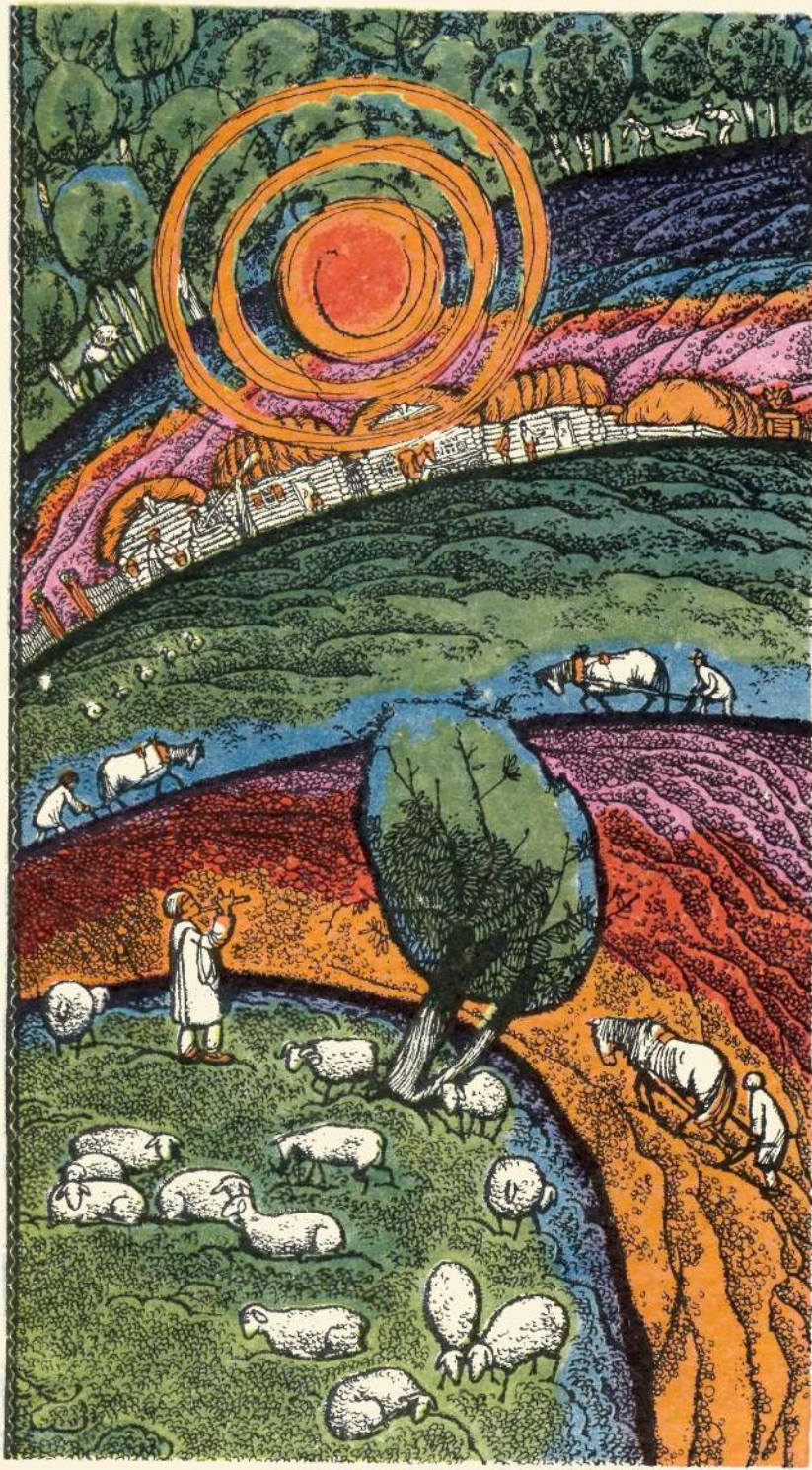

ИВАН ЯКОВЛЕВ
ДЕТСКИЕ РАССКАЗЫ

И. Я. ЯКОВЛЕВ
(1848—1930 гг.)

ИВАН ЯКОВЛЕВ

ДЕТСКИЕ РАССКАЗЫ

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ЯКОВЛЕВ ● ДЕТСКИЕ РАС-
СКАЗЫ ● ПЕРЕВОД С ЧУВАШСКОГО Н. С. ПАВ-
ЛОВА ● ХУДОЖНИК В. И. АГЕЕВ ● РЕДАКТОР
Б. О. МАКСИМОВ ● ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕДАК-
ТОРЫ М. А. ИЛЬИН, Э. М. ЮРЬЕВ ● ТЕХНИЧЕ-
СКИЙ РЕДАКТОР В. И. ПАВЛОВА ● КОРРЕКТОР
В. Н. ИВАНОВА ● РЕТУШЕР В. А. ЧЕРНОВ ● ПЕ-
ЧАТНИКИ Г. М. СКИРДОВА, А. П. ПАВЛОВ ●

Чувашия находится на берегах величавой Волги, которую народ ласково называет красавицей, матушкой-рекой. Столица Чувашии — Чебоксары. Это большой современный город.

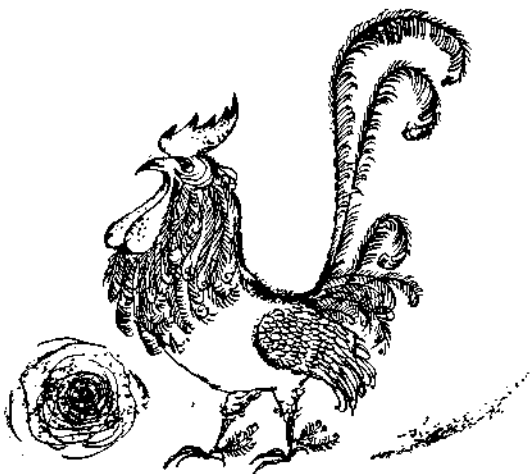
Чувашская детвора ходит в детские сады и школы, летом набирается сил в пионерских лагерях. Но так было не всегда: при царе чувашки жили в нищете, большинство их не знало даже простой грамоты.

В это тяжелое, мрачное время среди чувашей нашелся умный и очень любивший свой народ человек. Это был Иван Яковлевич Яковлев.

Иван Яковлевич родился в 1848 году в чувашской крестьянской семье. По окончании сельской школы он учился в землемерном училище, а затем три года работал помощником землемера. В это время он еще ближе познакомился с тяжелой жизнью нерусских народов Поволжья, и у него созрело стремление помочь им. Будучи еще юношей, Иван Яковлевич открыл в Симбирске (Ульяновске) школу для обучения чувашских детей. Постоянно заботился он о ней и тогда, когда учился в Казанском университете. Ценою больших трудов и усилий, в постоянных столкновениях с царскими чиновниками Ивану Яковлевичу удалось сохранить и укрепить эту школу. Она подготовила для чувашского народа много учителей. Педагогическую деятельность И. Я. Яковлева высоко оценил В. И. Ленин.

Умер Иван Яковлевич в 1930 году.

Иван Яковлевич любил писать рассказы для чувашских детей. Некоторые из них включены в эту книгу. Они учат честности и трудолюбию, добру и уважению к человеку.

ПЕТУХ

Есть у нас большой красный петух. Каждый раз ровно в полдень взлетает он на телегу и громко поёт: «Кука-ре-ку-у!» Голос у него—прямо заслушаешься, хвост — загляденье, колесом; гребешок у петуха большой, ноги мохнатые, шпоры длинющие.

А ваш петух каков?

СКОЛЬКО СТОИЛ ХОМУТ

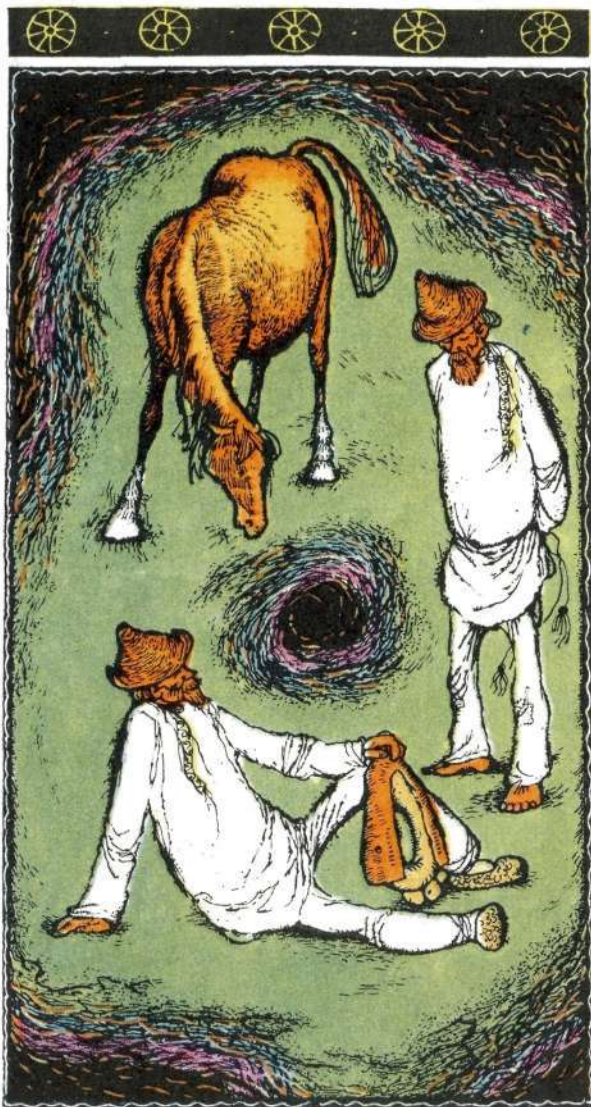
Давно уж это было. Один крестьянин из нашей деревни купил на базаре хомут и принёс его домой. Пришёл к нему сосед и спрашивает:

— Много ли за хомут заплатил?

А тот ему в ответ:

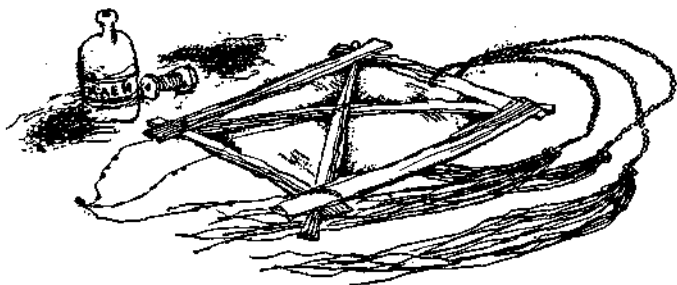
— Цену-то я не знаю, а заплатил полтинник.

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Задумали Ваня и Петя сделать бумажный змей. «Ты,— говорит Ваня Петю,— приготовь клею, а я поищу лучинок». Живо они достали всё это, и на другой день змей был готов. Стали Ваня с Петей его запускать, только ветру-то не было, и змей никак не взлетал. Пошли тогда они в поле, но и в поле безветрено. Бегали-бегали со своим змеем, а тот не поднимается вверх — и всё. Тут Петя и закричал: «Ваня, ты подуй по сильнее!» Ваня стал дуть изо всех сил. А змею хоть бы что: так на земле и остался.

КАК Я ЧУЛОК ВЯЗАЛА

Когда я была маленькая, вздумалось мне раз чулок довязывать, который мать начала. Спиц я до того в руки не брала и все нитки перепутала.

Увидела это мать и говорит:

— Нет, доченька, ты сначала вязать научись, а потом за чулок берись.

КАЛАЧ

Очень любил один мальчик калачи. Увидит, бывало, что отец на базар собирается и всё просит его калача привезти. И вот однажды в базарный день отец велел мальчику взять котомку, положить в неё краюху чёрного хлеба, и повел его корчевать пни. Дошли они до места, отец и говорит:

— Вот, сынок, корчуй эти пни, а на хлеб и не смотри: он сам в калач превратится.

А сам отправился на базар. Покорчует-покорчует наш мальчик, подбежит к котомке и смотрит, а хлеб как был, так и остался, не стал калачом. Подбежит еще — всё то же. День уж к вечеру, проголодался мальчик, а хлеб по-прежнему чёрный, а не белый. Отрезал он ломоть, посолил — да в рот: ой-ой, хлеб-то, оказывается, вкуснее калача стал!

Вернулся с базара отец.

— Ну, сынок, как? Получился из хлеба калач?

— Да, цветом-то всё тот же, чёрный, а на вкус куда лучше калача, — отвечает сын.

— Так вот оно, сынок: коль всласть поработаешь, так и чёрный хлеб вкуснее становится, а сытому и мёд горчит, — сказал отец.

ОЖИВШИЙ ЦЫПЛЁНОК

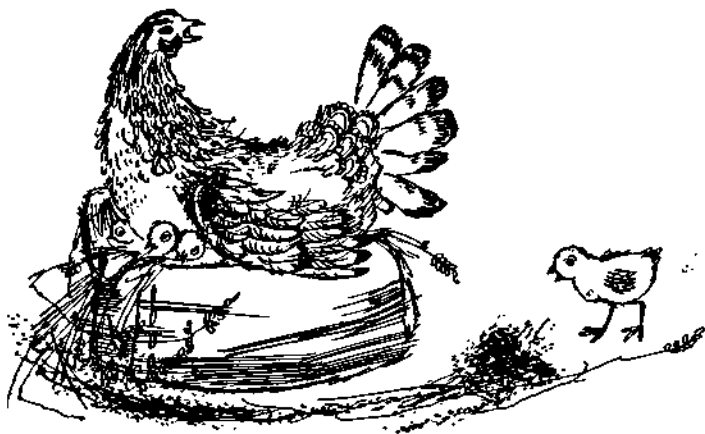
Как-то во время жнитва оставили меня дома цыплят караулить. Были они малюсенькие, всего три дня как вывелись. Поэтому их пустили прямо в избу.

Ушли отец-мать, а я начал цыплят кормить. В избе у нас в то время было много тараканов. Дай, думаю, цыплят ими накормлю. Взял я доску с нар и начал стучать ею об пол, чтобы тараканов стряхнуть. И не заметил, как задел одного цыплёнка по клювику. Покружился-покружился он на одном месте, вытянулся да умер. Поднял я его с полу, положил на подоконник на солнышко: не отойдет ли, думаю. Сам очень испугался, сердце так и колотится, не знаю, что и делать. Вышел я на улицу. Там друзья веселятся, а мне и играть не хочется. Сел я на лужайке да горюю: «Что я теперь отцу-матери скажу?» Даже плакал от горя. Умишко-то ребячий: стоило ли из-за цыплёнка плакать! Вернулся в избу, смотрю и глазам не верю: сидит мой цыплёнок на окошке как ни в чём ни бывало. Ожил мучитель! Спустил я его на пол, а он бегом к клушке. Тут только я и успокоился.

Вернулись отец с матерью вечером домой. Побоялся я им тут рассказать, что

было, недели две смелости набирался.
А они посмеялись надо мной и говорят:
— Ты, глупыш, всех цыплят так
у нас переведёшь.

После этого я и в руки боялся цыплят
братъ.

Л Г У Н

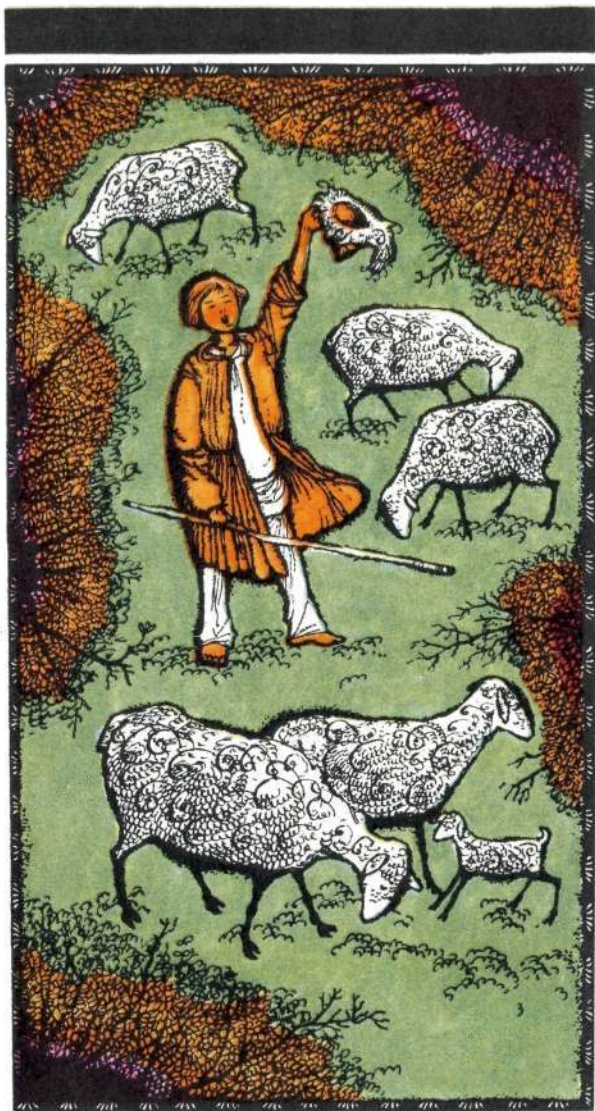
Пас мальчик в поле овец. Начал он однажды для смеху кричать, что волки на стадо напали:

— Эй, скорее сюда! Волки, волки-и!

Прибежали люди, посмотрели, а волков и в помине нет. Раз обманул пастушонок, другой, да всё до поры. Однажды в самом деле волк на стадо напал. Тут уж наш лгун и взаправду людей звать стал, да те подумали, что опять он нарочно кричит. Так и не прибежал никто. А волк всё стадо передушил.

Правду говорят старики: раз обманешь, другой, а на третий — заплачешь.

БЕСПЛОДНЫЙ СПОР

Ходили в старину два человека на сторону и заработали три рубля. Целых три дня они эти деньги поделить не могли. А самим и невдомёк, сколько бы за это время денег заработали, кабы время в бесплодных спорах не проводили.

Не зря говорят, что лучше баклуши бить, чем так сидеть.

СТАРИК И КОМАРЫ

В летнюю пору шёл старик лесом, устал и прилёг отдохнуть. Тут его и начали долгоносики донимать: «А дядя-то оди-и-ин, оди-и-и-ин, и-и-и-и». Один подлетит да запищит, другой, третий, и всё своё: «Оди-и-и-ин! Оди-и-и-ин!» Ворочался-ворочался старик, да не вмогосту ему стало. «Какое там,— говорит,— один. Вон вас сколько!» Завернулся он получше в свой кафтан и снова улегся. Комары уж его больше не кусали.

МЫШОНОК НА ПРОГУЛКЕ

Вышел однажды мышонок из своей норы погулять. Погулял он, погулял, вернулся к матери и говорит:

— Ну, мама, я двух зверей видел! Один-то уж больно хороший, а другой— прямо страшилище!

— Что же это за звери? — спрашивает его мать.

— Тот, который страшный, по двору расхаживал!.. Ноги у него черные, шапка красная, глаза того и гляди выпрыгнут, нос крючком! Просмыгнул я мимо него, а он как закричит! У меня со страху душа в пятки ушла.

— Эх, сынок, сынок... Да ведь это петух! Его бояться совсем не нужно! Мы для него что есть, что нет. Ну, а другой каков?

— А другой на солнышке лежал, грелся. Шея у него белая, сам он гладкий-гладкий, ноги серые. Себя все облизывал. Хвостом чуть помахивал, а с меня глаз не спускал.

— Эх, ты, глупый, неразумный!.. Ведь это же кот,— испуганно сказала мышонку мать.

Так-то вот: не всё солнышко, что блестит.

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА

Забралась лиса в виноградный сад. А виноград-то целыми гроздьями висит. Что уж тут лиса ни вытворяла, чтобы винограда покушать: то на задние лапы встанет, то прыгнет, да нет: не достаёт до ягод. Из сил лисица выбилась и ушла, несолоно хлебавши, головой от злости качает:

— Э-э, ягоды-то эти только на вид хороши! Попробуй-ка их, живо без зубов останешься!

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Нашла ворона кусочек мяса и усе-
лась на дереве. Лисе тоже страх как
мяса попробовать захотелось. Начала
она ворону улещать:

— Эх, воронушка, всем-то вышла: и
лицом, и станом — ну, ровно ты царица
какая. Если бы у тебя ещё и голос...
быть бы тебе и в самом деле царицей.
От радости ворона разинула свой клюв
да как каркнет: кар-р! Мясо у неё и вы-
пало. Лисица его подхватила живёхонь-
ко и говорит:

— Эх, подруженька, если бы тебе ещё
и ум, быть бы тебе царицей.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

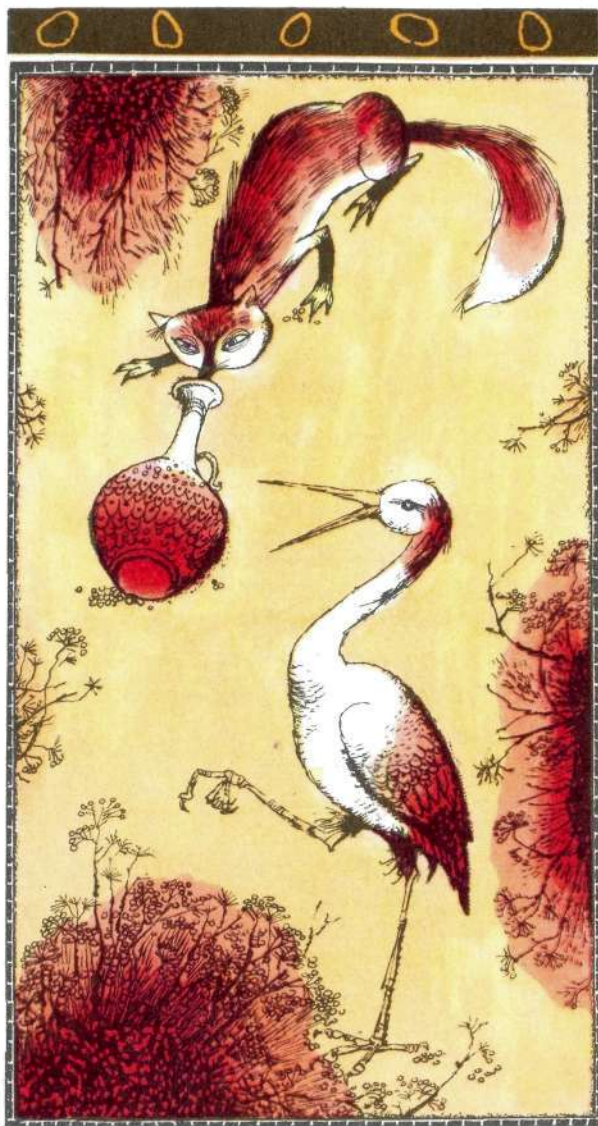
Пригласила раз лиса журавля в гости. Решила она его кашей попотчевать. Размазала она свою кашу по мелкому блюду и поставила перед журавлём.

— Кушай, журавушка, кушай!— угощает его. А тот долгим-то клювом тук-тук, тук-тук, а в зоб-то ему и не попало ничего. Лиса потом сама всю кашу вылизала.

Другой раз уж журавль к себе в гости лису пригласил. Сварил журавль похлёбку. Поставил он её перед лисой в кувшине с длинным горлом.— Кушай, лисичка-сестричка, кушай досыта,— угощает журавль. Повертелась-повертелась та перед кувшином, да голову в него никак просунуть не может. Похлёбки ей даже попробовать не удалось. Сунул журавль свой длинный клюв в кувшин да сам всю похлёбку съел.

— Не обессудь уж, лисонька,— провожал он свою гостью.

С той поры у лисы с журавлём дружба врозь.

ВЕСНОЙ

Весеннее солнышко светит ярко да жарко. На дворе теплынь, ветер не шелхнет. В небе жаворонки поют. Снег почти растаял, осталось совсем немного. По улицам бегут говорливые ручьи.

Мы с ребятами наделали деревянных корабликов и пустили их в быструю речушку. Сами бежим за ними по берегу да кричим: «Чей обгонит, чей впереди будет!»

Я тоже бежал со всеми вместе, даже под ноги не глядел. Тут и стряслась беда: не заметил я лужу перед собой — бултых! в неё с головой. Всё на мне мокрёхонько, сам до костей продрог!

Побежал я тут домой: переоденусь, мол.

— Где это ты так извозился? Нитки сухой нет... Как это тебе помогло? — начала меня расспрашивать мама.

Я всё рассказал, как было.

— Нет тебе других штанов да рубашки! Залезай вон на печь да сиди там! Впредь будешь себе под ноги глядеть!

Не зря говорят, что вода без сучков: попадёшь в неё — не зацепишься.

ОЖИРЕВШАЯ КУРИЦА

Несла курица каждый день по яичку. Хозяйке этого показалось мало, и она, чтобы курица неслась ещё лучше, по три яичка в день, стала ее закармливать. Курица разжирела и совсем нестись перестала.

Б У Р Я

Однажды мы на току молотили хлеб. Откуда ни возьмись — туча, всё кругом потемнело. Налетела буря и ну наш посад ворошить. Беда да и только, все растерялись: кто лопатой снопы тычет, кого вилами зерно сгребать надоумило.

Молотивший вместе с нами сосед сел верхом на свою лошадь да рысит вокруг нас:

— Конец света пришел, светопреставление! Где моя трубка? Где моя трубка?..

Утихла буря — сами же над собой смеёмся.

У страха глаза велики.

ВОЛК И ЯГНЁНОК

Увидел волк, что ягнёнок у речки воду пьёт. Захотелось волку этого ягнёнка съесть. Начал он к ягнёнку придираться:

— Ты мне воду замутил!

Ягнёнок волку в ответ:

— Эх, волк, как же я могу тебе воду замутить: ведь я ниже тебя стою.

А волк снова:

— Зачем это ты в прошлом году моего отца изругал?

Ягнёнок опять не соглашается:

— Да меня в прошлом году и на свете не было.

Рассвирепел волк:

— Тебя не переспоришь; я голодный и поэтому тебя съем.

СТРЕКОЗА И МУРАВЬИ

Непогожей осенью отсырела у муравьев пшеница. Принялись они её сушить. Подошла тут к ним голодная стрекоза и попросила накормить.

— Как же это ты летом себе ничего не запасла? — спросили её муравьи.

— Да я всё пела, мне и времени-то не было, — отвечает стрекоза.

А те ей говорят: «Лето красное пропела, а зимой вот попляши».

НА ЖНИТВЕ

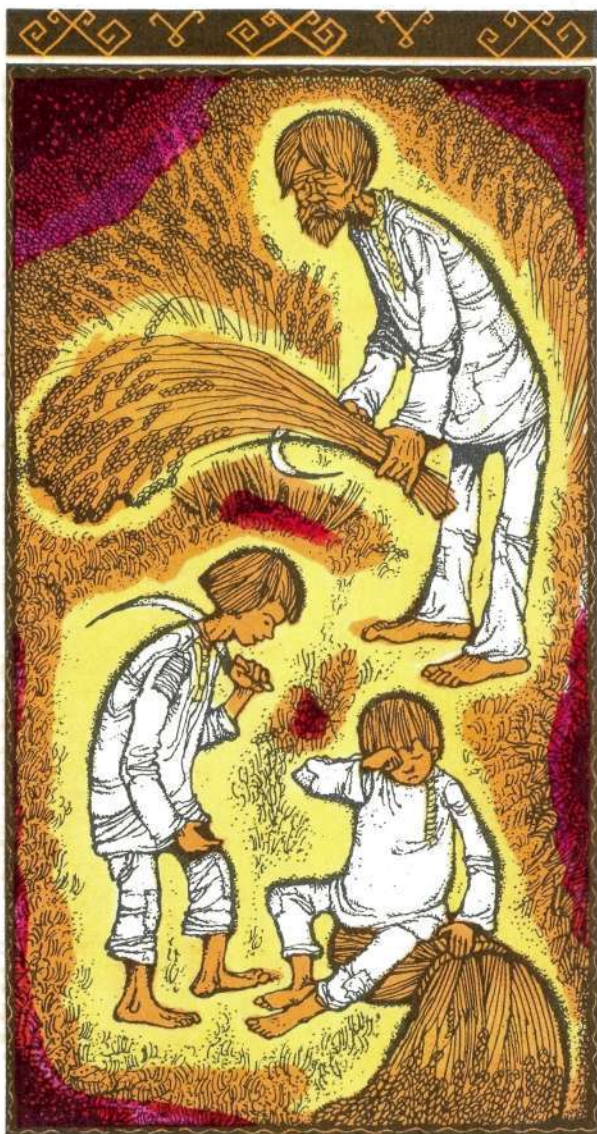
Жали мы один раз около самой межи пшеницу. Связал я сноп и отнёс его в пяток. Тут я и задевал куда-то свой серп. Смотрю туда, смотрю сюда — нет нигде. А старший брат нашёл мой серп и помалкивает. Отец рассердился на него и говорит:

— Во время работы не играют!

Потом добавил:

— Когда вяжут сноп, серп через плечо перевешивают.

КАК Я ЧАСЫ ИСПОРТИЛ

Отец у меня мастер часы чинить. Скажешь о Федоре-часовщике, — вся округа его знает. Глядя на отца и мне тоже захотелось часы чинить. Однако отец с матерью, считая, что я ещё мальчишка, не только часы чинить — близко меня к ним не подпускали. Все-таки, когда их не бывало дома, я с часами возиться пробовал.

Однажды отец разобрал часы и начал их чинить, а потом куда-то ненадолго вышел. Мать в соседи ушла, старшие братья в лес за дровами уехали. Мне полное раздолье! Взял я молоток и начал им по колесикам постукивать. Уда-

рю—раз—зубья отлетают. Вдруг вижу из окна: отец возвращается! Я быстро положил все на место, а сам забрался на печку. Отец вошел и опять сел за работу. Смотрит—зубья у колесиков сломаны. Огляделся он кругом, видит—я на печке лежу. Подошел и спрашивает:

— Алексей, ты колесики от часов переломал?

— Нет,— говорю,— не я.

— Как это не ты? Кроме тебя здесь никого и не было! — начал он тут меня ругать да корить:

— Коли дела не знаешь, и соваться нечего.

Долго я потом эти слова обдумывал.

ЛЕНТЯЙ И ЛОДЫРЬ

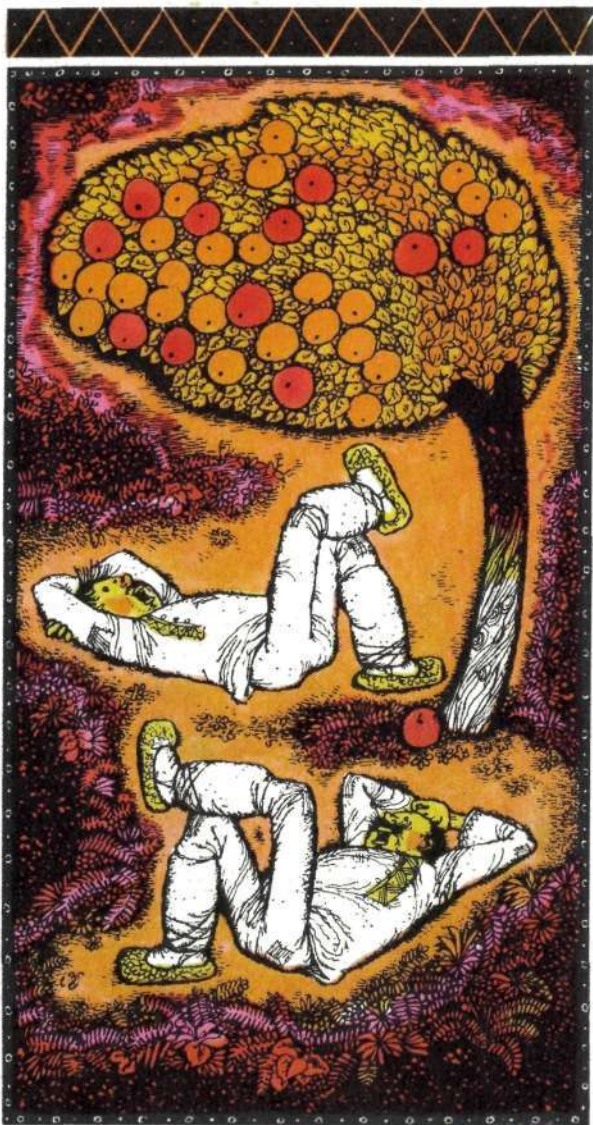
Жили когда-то лентяй и лодырь! Лег однажды лентяй под яблоню и говорит:

— Эх, если бы мне прямо в рот яблоко упало!

А лодырь ему в ответ:

— Как только тебе не лень эти слова говорить?

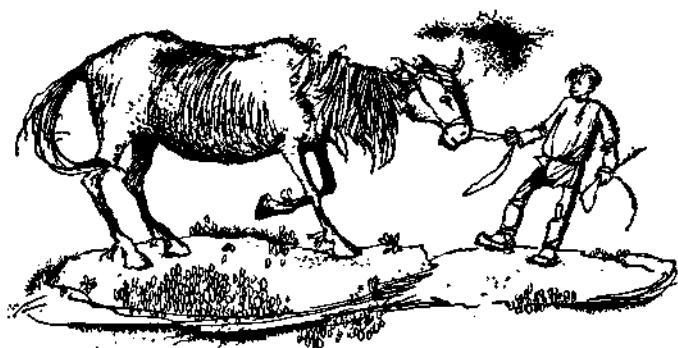
Х В Е Д Е Р

Вернулся дядя с пашни, посадил своего племянника Хведера верхом на лошадь и велел отвести её в табун.

— Смотри,— говорит, Хведер, не гони лошадь, она и так сегодня на пашне из сил выбилась.

Выехал Хведер за околицу и давай лошадь понукать. А та, и без того измученная, потрусил-потрусил и встала, ни с места. Хоть плачь! Нечего делать, слез Хведер с лошади и повёл её за уздечку в табун.

Кто за лошадью глядит, тот пешком не ходит, а кто старших уважает, тот беды не знает.

НА ВОРЕ ШАПКА ГОРИТ

Пропали, говорят, у одного мужика деньги. Не найдет он вора — да и всё. Созвали сход. Как только народ собрался, староста и крикнул.

— Старики, беда, пожар! Шапка на воре горит!..

Тут один человек хватъ за свою шапку. Так и нашли вора.

КОРОВА И КОЗЁЛ

Держала старуха корову да козла. Вместе они и в стадо ходили. Корова была — хоть плачь с ней: как доить, так лягаться. Один раз старуха посолила кусок хлеба и давай корову уговаривать:

— Стой спокойно, озорница, на вот, на; не будешь лягаться — ещё вынесу.

На-другой день пришёл козел из стада раньше коровы, подошёл к старухе и встал, растопырив ноги. Та на него утиркой замахивается. Козёл стоит, хоть бы что. Он-то уж хорошо помнил, как старуха хлеба корове давала.

Посмотрела, посмотрела старуха на козла, взяла палку да прогнала его. Как только козёл отошел, старуха опять стала угощать корову хлебом. «Видимо, нет всё-таки в людях правды,— подумал козел.— Разве я как корова стоял? Так нет, меня же и отколотили!»

Отошёл козел подальше, разбежался да как даст старухе рогами! Та со своим подойником да молоком так об землю и загремела.

ДОЙНАЯ КОРОВА

Была у одного человека хорошая дойная корова; каждый день она горшок молока давала. Пришлось как-то этому человеку гостей созывать. Решил он целых десять дней не доить свою корову: думал, лучше сразу за один раз десять горшков надою. А у коровы-то молоко уж пропадать стало, и дала она меньше прежнего.

ЯЛОВАЯ КОРОВА

Уж так захотелось одной хозяйке кислого молока поесть, да вот беда: корова у неё была яловая и молока не давала. Все же пошла хозяйка в хлев: авось, думает, надою молока хоть немного. Зашла она в хлев, а корова лежит. Всполошилась хозяйка, засуетилась, к соседке побежала.

— Сестрица! Корова у меня телиться хочет, легла; дай мне, пожалуйста, для закваски кислого молока.

— А корова-то, может, так просто легла, а не телиться хочет? — говорит соседка.

— Вот, этого я не знаю, — ответила хозяйка и пошла домой.

Не садись на жеребёнка, пока его ещё и на свете нет.

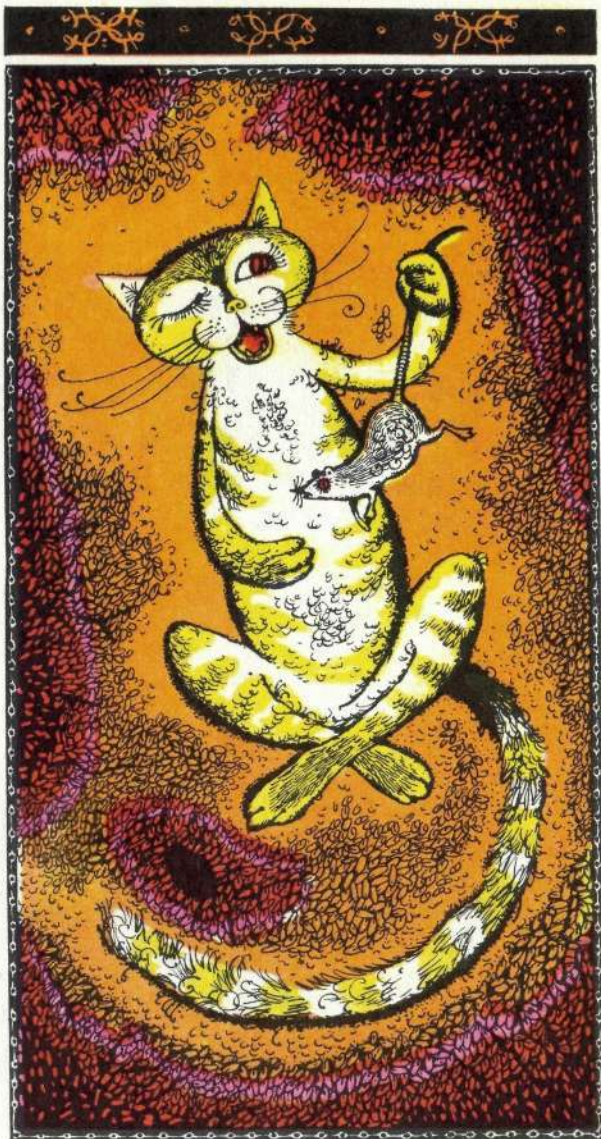

МЫШЬ

Прогрызла голодная мышь половицу и забралась в амбар. Сама — кожа да кости. В амбаре она всю ночь зерном угощалась. Живот у неё раздулся, как барабан. Собралась она домой, сунулась в свою дыру, а не тут-то было: голова пролезает, а живот не пускает. Билась, билась она, так и не сумела пролезть.

Утром пришла в амбар кошка, поймала ту мышь и съела.

Не зря говорят: жадность до добра не доведёт.

СПОР

Встретились двое зимой на дороге, а сани у них и зацепились.

Начал один из них кричать:

— Посторонись-ка скорее, я в город тороплюсь!

А другой ему:

— Нет уж, сам ты в сторону отъезжай, мне скорее домой надо.

Долго мужики рядились да бранились.

Подъехал тут третий и говорит:

— Если уж вы так спешите, то уж дайте лучше дорогу мне.

НА СЕНОКОСЕ

Поехали три мужика на сенокос. Одного-то звали Каринке, другого—Емельке, а третий был Сяманка. Лошадь у них и увязни в болоте.

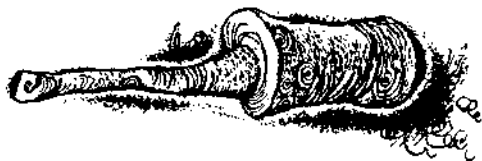
Всполошился тут Сяманка:

— Как быть, Каринке! Что нам делать, Емельке!

Каринке и говорит: — Сами знаем, Сяманка!

Пока они рассуждали, лошадь ещё глубже увязла. Еле-еле они её потом вытащили.

СТАРУХА И ВОЛК

Рыскал голодный волк, всё искал, где бы ему пожитья. Подкрался к деревне — слышит, в крайней избе ребёнок плачет, а старуха его спать укладывает да приговаривает:

— Не перестанешь — волку тебя отдам.

Волк так и замер и уши наострил:

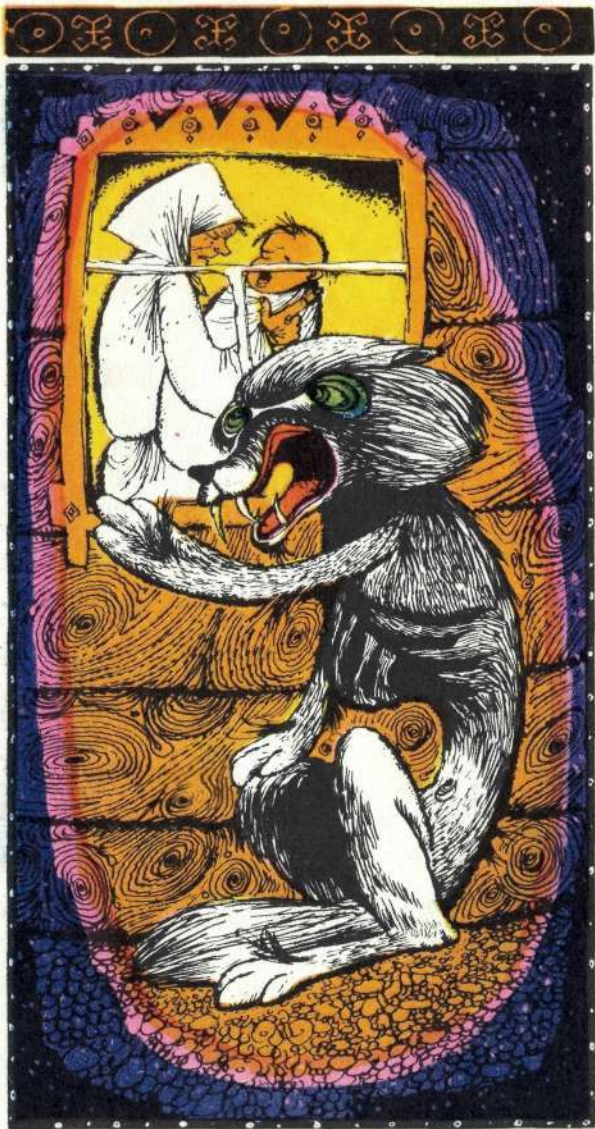
— Вот удача: сейчас этого ребёнка мне выкинут, вот мне и ужин. Ждал волк до самой полуночи. Сидел-сидел, а тут снова голос старухи.

— Не плачь, дитяtko, не плачь, волку я тебя не отдам; покажись он здесь — я его тут же дубиной прибью!

Услышал это волк и думает:

— В этом доме, видно, говорят одно, а делают другое.

Встал он, несолоно хлебавши, — и давай бог ноги.

МОЕ РАСКАЯНИЕ

Любил мой отец всяким делом заниматься, когда ещё зрячий был. Освободится, бывало, от работы по двору — сядет чинить ведра да кадки, обручи на бочки набивать. Сколько тут нам оставалось всяких дощечек и разных обрезков!

Играли мы этими обрезками как-то у нас с соседским мальчиком Гришей. Я построил было домик, а Гриша его и разломал невзначай. Ох, и рассердился я на него! Схватил дощечку да хлоп! его по голове. Гриша заплакал. Отец посмотрел-посмотрел на меня и говорит:

— Зачем ты его обидел? Если тебя самого так? Вон он уже уходит. С кем играть-то теперь будешь?

Гриша и вправду надел шапку, варежки и идёт к двери. Я ни слова. Потом не выдержал и тоже заптакал. «И зачем только,— думаю,— я его ударил?»

А Гриша увидел всё это и говорит мне:

— Не плачь, Алюш, не плачь; давай играть по-прежнему.

Мне от этого ещё стыднее стало, заревел я в голос. Кое-как меня Гриша успокоил.

КОШКА И СОБАКА

Кошка что-то ела, а к ней подошла собака Хураська. Кошка цап! собаку за нос, а та её за хвост. Кошка тут едва глаза Хураське не выцарапала. В это время мимо них с полными ведрами проходила моя мама. Остановилась она да как плеснет на кошку с собакой водой. Они и разбежались кто куда.

К Н У Т

Был у меня товарищ Михаля. Свил он себе новый кнут, и захотелось ему тем кнутом каждого встречного бить. Увидел он однажды свою младшую сестрёнку, которая что-то ела, и раз! её кнутом по голове. Та в слёзы. Услыхала это мать, прибежала скорее, вырвала у Михали кнут и давай его стегать. «Не тронь людей, не обижай! Вот тебе!»

Выходит, и от своего кнута тебе же достанется, если ты им пользуешься не умеючи.

ХОРЁК

Забрался хорёк в дом к меднику и давай напильник лизать. Лизал-лизал, с языка у него кровь закапала. «Это, наверно, из железа кровь-то идет», — подумал хорёк. Обрадовался он и начал напильники еще пуще лизать. Так и изранил он себе весь язык.

СОВА И ЗАЯЦ

Стемнело. Совы в лесу по оврагам да ложбинам шастают, чем бы им поживиться ищут. Вот выбежал на поляну большой русак, уселся и начал себя в порядок приводить. Говорит тут молодая совушка старой сове:

— Что же ты этого зайца не схватишь?

А старая ей в ответ:

— Большой уж больно, сил не хватит: вцепишься в него, а он и утащит в чащобу.

Молодая поразмыслила и говорит:

— Одной лапой я в него вцеплюсь, а другой — за дерево.

Молвила она так и раз! на зайца налетела. Одну лапу русаку в спину запустила, — когти там и впились ему в живое мясо, — другой лапой норовит за дерево уцепиться. Заяц наутёк, а сова за дерево всё-таки зацепилась да думает: «Нет, не уйдёшь!» Рванулся русак что было силы и разодрал сову надвое: одна лапа на дереве повисла, а другая — у русака на спине осталась.

На следующий год подстрелил того русака охотник. Посмотрел-посмотрел он на застрявшие в его спине совиные когти и диву дался.

ХУРАСЬКА

Была у нас большая собака Хураська. Запряг я её зимой в салазки, уселся в них да крикнул:

— Но-о, Хураська, давай на улицу!

Стеганул я её что было силы кнутом, а она — раз! под амбар, а меня нижним венцом хлоп! по лбу.

ПУСТАЯ ОБИДА

Каждый раз, когда отец ездил на базар, он привозил нам калач. Однажды, возвратившись домой, дал он его всем нам по куску. Мне показалось, что на мою долю досталось меньше, чем другим. Я обиделся, отказался от калача и сел в углу.

Отец подошёл ко мне и говорит:

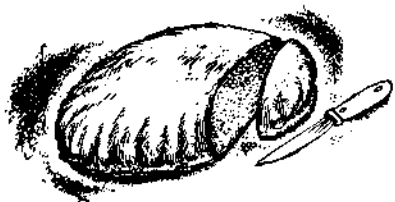
— Почему это ты калач-то не взял?

Я молчу, будто воды в рот набрал. Тогда отец взял мой кусок и отдал его сестрёнкам:

— Кушайте, а Иван пусть в углу сидит да дуется.

Сестрёнки мой кусок и съели на доброе здоровье. Попросить бы теперь калача, да его и в помине нет.

Не напрасно говорят, что в чужих руках пирог больше кажется.

КАК МУЖИК ЛОШАДЬ ИСКАЛ *

Три дня искал мужик лошадь, на которой сидел верхом. Приезжает он в одну деревню и спрашивает:

— Братцы, не видел ли кто приبلудную лошадь?

— Нет,— отвечают селяне,— не видали.

Приезжает в другую:

— Братцы, не видел ли кто приبلудную лошадь?

— Нет,— отвечают,— не видали.

Из сил выбился мужик, а лошади нет как нет. Повстречал наконец он рассудительного старика.

— Не видали ли, дед, где приبلудную лошадь?

— Нет, не видал. А когда она у тебя пропала?

— Да вот третий день, как ищу.

— А какой она масти?

— Пегая, дед, пегая.

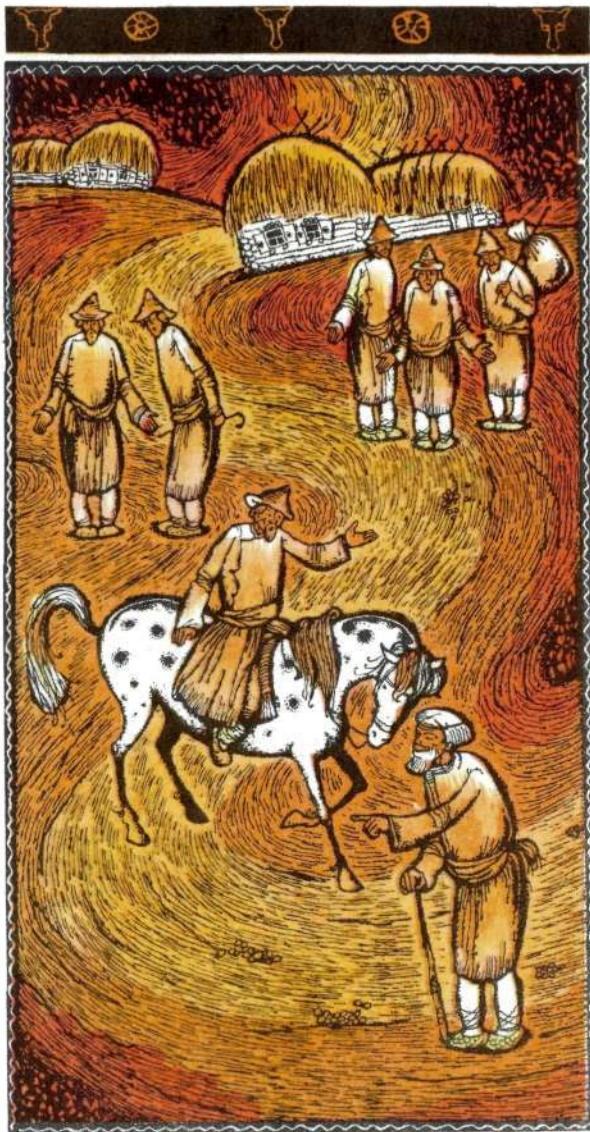
— А не та, что под тобой?

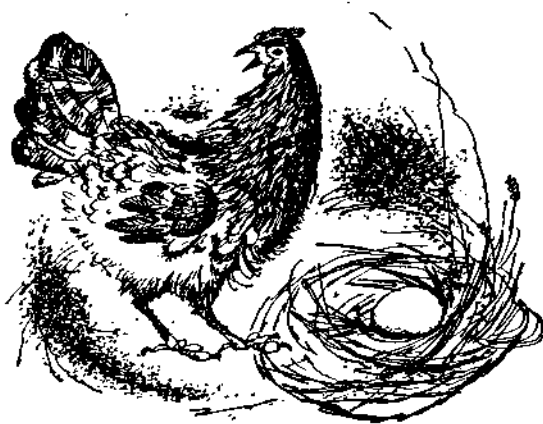
Мужика как ветром сдуло с коня. Соскочил и смотрит. Смотрел-смотрел на лошадь, что была под ним, да как закричит:

— Эта! Эта! Эта!

Проворно взобрался на неё и, радостный, вихрем помчался домой.

* Перевод М. Сироткина.

САРМАНДЕЙ

Сармандею курочка снесла жёлтое яичко. То яичко жёлтое мышь хвостом разбила. Плачет, плачет Сармандей, с горя курочка кудахчет.

Растревожились ворота :

— Распахнёмся-ка пошире да закроемся опять.

Бык идёт на водопой:

— Эй, ворота, что тут с вами?

Отвечают те ему:

— Как же нам не раскрываться, как же нам не закрываться? Сармандею курочка снесла жёлтое яичко; то яичко жёлтое мышь хвостом разбила; плачет, плачет Сармандей, с горя курочка кудахчет.

Говорит воротам бык:

— Зареву-ка я погромче.— С ревом он к реке спустился.

Молвит тут ему река:

— Что ревёшь ты, бык рогатый?

— Как же быть иначе мне? — отвечает речке бык.— Сармандею курочка снесла жёлтое яичко; то яичко жёлтое мышь хвостом разбила; весь в слезах наш Сармандей, с горя курочка кудахчет.

А река и говорит:

— Не останусь я в сторонке, вместе станем горевать.

По воду идёт молодка:

— Что горюешь, реченька?

— Как же мне не горевать? Сармандею курочка снесла жёлтое яичко; то яичко жёлтое мышь хвостом разбила; с горя плачет Сармандей, с горя курочка кудахчет, а ворота то закрыты, то раскроются опять; бык и то ревмя-ревёт.

Суетится молодушка:

— С горя горького и я разобью сейчас ведро. Раз — и нет того ведра.

Вот идёт она домой, а свекровь навстречу ей:

— Что же, сношенька моя, ты идёшь с одним ведром?

— До ведра ли, до воды ли,— говорит сноха в ответ.— Сармандею курочка снесла жёлтое яичко; то яичко жёлтое

мышь хвостом разбила; плачет, плачет Сармандей, с горя курочка кудахчет, а ворота то закрыты, то раскроются опять; бык и то ревмя-ревёт, вся в слезах река течёт.

Говорит свекровь снохе:

— Дай-ка выброшу я тесто.

Вмиг квашёнка полетела.

Сын вернулся из лесу, говорит, голодный, он:

— Что яшку * вы не варили?

— Сармандею курочка снесла жёлтое яичко; то яичко жёлтое мышь хвостом разбила; плачет, плачет Сармандей, с горя курочка кудахчет, а ворота то закрыты, то раскроются опять; бык и то ревмя-ревёт, речка вся в слезах течёт; молодушка же у нас без ведра пришла домой.

Тут и сын загоревал:

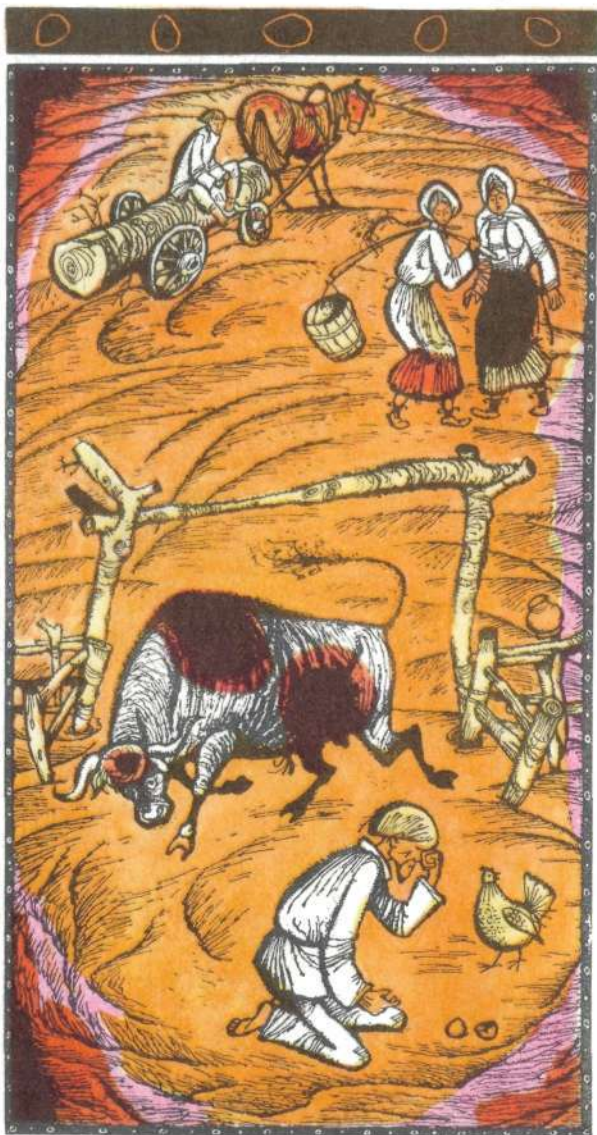
— Сброшу-ка с ноги сапог.

Живо он сапог стащил.

Вот и сказке той конец.

* Яшка — по-чувашски суп.

Н У Ж Д А *

Весной, как только тает снег, у нас скотину выгоняют в лес или в поле и, под присмотром ребяташек, пасут там до найма пастуха и выгона общественного стада.

Когда мне было лет шесть-семь, на такую попаску ходил мой старший брат. Вот как-то вечером пригнал он скотину домой и молча улегся на лавку, невесёлый. Отец с матерью встревожились:

— Что случилось?

А брат и говорит:

— Сегодня из сил выбился, насмотрелся на нужду.

Я первый раз слышал это слово: «нужда». Мне казалось: нужда — это такая весёлая птица или зверёк, и спрашиваю брата:

— А какого она цвета — нужда? Красивая? Похожая на зайца? Вот бы мне её повидать!

А отец и говорит:

— Не болтай попусту, коль не едал лепёшек с уголька: накличешь на свою шею — не отвяжешься! — Потом говорит брату:

— Растолкуй, что случилось?

А брат говорит:

— Корова дяди Макара провалилась

* Перевод М. Сироткина.

в вымоину. Мы старались её вытащить, но не смогли. Так там и осталась.

Отец и мать всплеснули руками:

— Пропал Макар! Полвека копил на корову, хушпу** заложил. Видно, на роду ему написано не подсаживаться к корове с подойником!

Мне очень хотелось идти на пастьбу. Многие мои сверстники уже ходили туда. Бывало, с длинными бичами в руках, краюхой хлеба в холщёвых сумках, с гомоном и криком, с щёлканьем и свистом отправляются они, погоняя скот за деревню. Мычат коровы, блеют овцы и ягнята — куда как весело!

Каждый вечер упрасивал я брата, чтобы он послал на попаску меня, вместо себя, и так надоел ему, что в одно утро он мне разрешил отправиться со скотиной.

Я был счастлив. Взял краюшку хлеба в сумку, вооружился бичом брата. Жаль, он его отобрал, но я разыскал старенький. Выгнал скотину со двора, погнав вдоль улицы, щелкнул бичом, бегаю. Пока вышел за околицу, от бича остались одни обрывки.

Добрались мы с ребятами до леса, распустили скот, разожгли костёр, занялись играми, а про коров и овец сов-

** *Хушпу* — старинный народный убор у замужних женщин.

сем забыли. Вечером, как возвращались домой, я свою корову мельком видел, а овец что-то и не заметил. Когда вошли в деревню, ребята молодецки щелкали бичами, а у меня одни обрывки.

Вошёл я во двор, смотрю: корова дома, а из шести овец не видно ни одной.

— Где овцы, Игнат? — спрашивают домашние, а мне и ответить нечего. Тут стали меня бранить:

— Тебя что, играть что ли послали? Где овцы, найди овец! Где, в каких местах пасли?

А я и этого не знаю, молчу.

— Дармоед ты этакий!

Утром домашние порасспросили ребят, где пасли накануне, отправились на поиски. Вот пошли мы с отцом в одну сторону, а братья — в другую. Иду я за отцом, а он ворчит:

— Понадеешься на вас, так поневоле повидаешься с нуждой!

Как услышал я про нужду — спрашиваю:

— А где она, нужда, находится?

А отец повернулся ко мне и хлысть меня прутом по спине, да так больно.

— Вот она, гляди, какая! Давно ты её хотел повидать, так полюбуйся!

От прутика на спине свербит, я хнычу, а отец добавляет:

— Мало тебе ещё я вложил. Не то будет, если овцы не отыщутся!

Ходили мы с отцом, ходили, овец так и не нашли. К вечеру возвратились домой, а овцы во дворе. Их отыскивали братья. Вот я обрадовался!

За ужином отец рассказал, что произошло со мною в лесу. А домашние помирают со смеху:

— Вот всё хотел посмотреть на нужду! Ну что, насмотрелся?

СОНЯ-СОНУЛЯ

Пошел Иван в поле относить своей матери хлеб. Дорогой ему очень захотелось спать. Лёг он в тени под ивой да заснул. А собака Хураська тут как тут: весь хлеб она у Ивана до крошки съела.

ХМЕЛЬ

Мой дядя наставил у себя на огороде много высоких тычин. Наступила весна — и по этим тычинам, поднимаясь все выше и выше, стал виться хмель. Посмотришь на него — будто пальцы перчаток с тычин свешиваются.

ЖЕРЕБЕНОК-СТРИГУНОК

Зимой наш стригунок совсем оплошал. Пустили мы его весной на пойменные луга. Глядим — старая шерсть на нём слиняла, стал он гладкий-гладкий, сам весь блестит, как змей какой.

ИГРАЙ, ДА МЕРУ ЗНАЙ

Захотелось Пете и Ване поиграть. Сказано—сделано: они теперь будто овцы и давай друг друга пырять. Кончилось всё это плохо: у Вани весь лоб покраснел и распух, а у Пети на голове синяки да шишки. Вот и доигрались до слёз.

Играй, да меру знай.

СОЛДАТ МАКАР

Солдат Макар поставил капкан на волка, а чтобы его заманить, приспособил чучело: будто живой гусь сидит.

ЖАДНАЯ СОБАКА

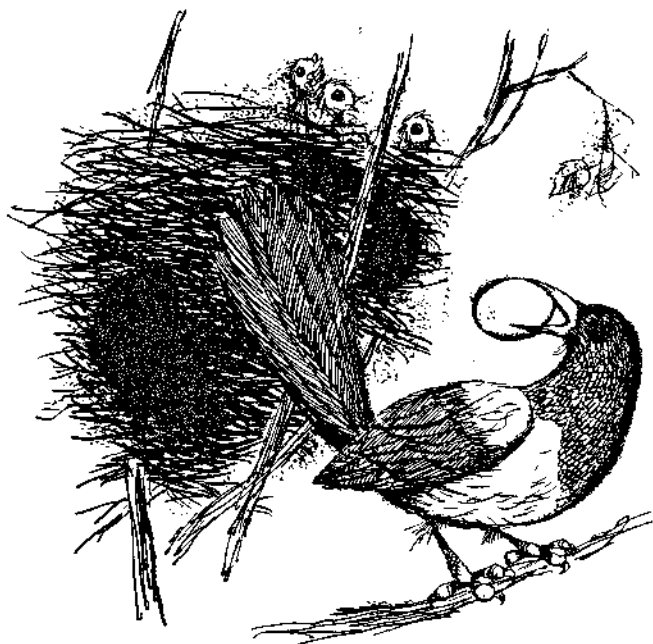
Собака несла кость в зубах и стала через ручей по перекладине переправляться. Вдруг видит она собаку с костью в воде. Бросила она тут же свою кость, прыгнула в воду и хочет кость-то у другой собаки отнять. И свою кость потеряла, и чужой кости нет.

Так вот бывает, когда пожадничает:

«ЧАК-ЧАГАК»

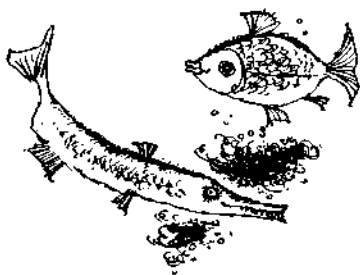
Летом сорока живёт в лесу, а выпадет снег — прилетает в деревню. В лесу она в летнюю пору выводит птенцов, таскает для них в деревне яйца. Зимой, когда сильно морозит, сорока взлетает на крышу, садится там на снегу и начинает стрекотать: «Чак-чагак, чак-чагак».

ЛЕБЕДЬ

Лебедя не зря называют царём птиц: среди них он самый сильный, самый красивый и изящный. Шея у лебедя белая, как снег, длинная и крутая, дугой изгибается; пристально смотрят его небольшие глаза, клюв и ноги у него чёрные. Изумительно красив он, когда тихо плывёт по темно-голубой глади воды, в камышнике. Приятны все повадки этой прекрасной птицы. Если она пьёт воду, то, набрав её в клюв, вытягивает шею, а голову поднимает кверху. Купается ли лебедь или ныряет, или сильными своими крыльями плещет на себя воду, а она бусинами стекает по его мягкому шелковистому пуху, — не отведёшь от него глаз. После купанья он начинает приводить себя в порядок, прихорашиваться: легонько изогнётся длинной белоснежной шеей назад, укладывает как следует свои перья на спине и боках, на хвосте. Потом расправляет, как паруса, свои крылья, опять перебирает по одному перья, поправляет их, обдувает на ветру, сушит на солнышке. Смотреть на все это — загляденье.

НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ

На одном большом озере чуваши, русские и мордва ловили неводом рыбу.

Чуваши, как только вытащат невод, так и начнут переговариваться:

— Что ты будешь делать, сюк! *

А от мордвы, лишь невод к берегу подтянут, только и слышно;

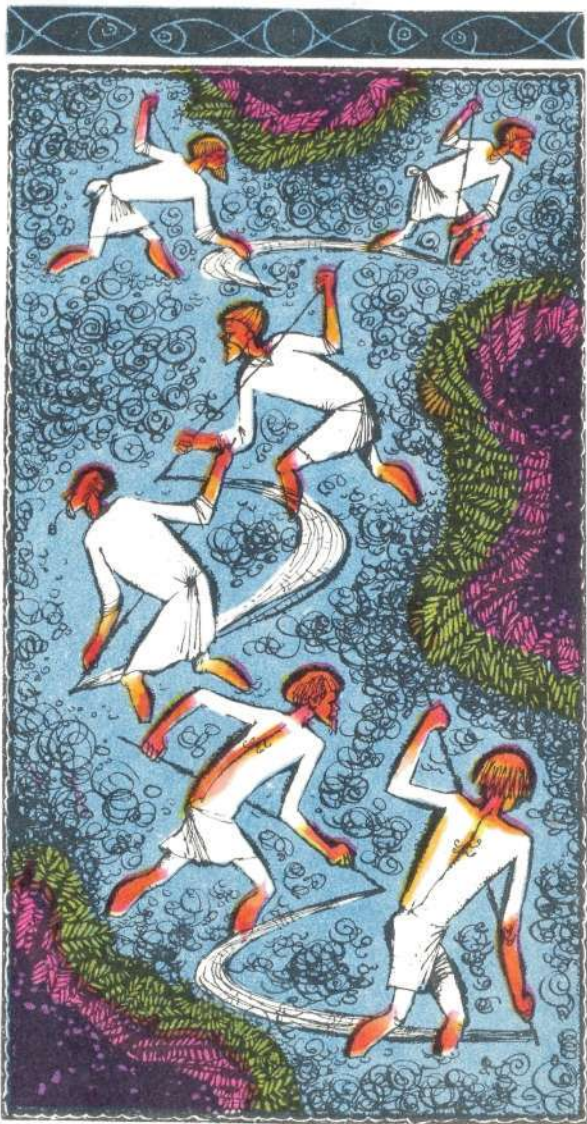
— Арась, арась! **

— Что же это чуваши и мордва такие счастливые? Одни им щуки да караси, щуки да караси только и попадают! — дивятся русские.

Чуваши, русские, мордва — все люди.

* Сюк (в чувашском написании «сук») значит «нет».

** Арась — по-мордовски «нет».

В НОЧНОМ

Во время пашни, да и осенью, мы часто ездили на луга в ночное.

Луг, куда мы ездили, не так далеко от нашей деревни, всего в двух-трёх верстах. Он лежит между двумя деревнями: с одной стороны — наша, а верстах в двух — другая. По обеим сторонам два невысоких холма. Посредине бежит небольшая речушка. На её берегах растёт чернотал.

Однажды осенней порой поехал я в ночное. Ночи в осень тёмные и прохладные; ноги за ночь совсем продрогнут. Собрались ребята все вместе и говорят:

— Давайте из бурьяна костры разведём! Вон его тут сколько! Вмиг мы рассыпались по загонам. Враз несколько большущих куч натаскали, сложили их рядами, будто улочки получились. Потом эти кучи подожгли. Начал бурьян пылать, только треск пошёл! Пламя вышиною с дом, весь луг осветился. Сами все в пыли, только белки глаз сверкают, да и тут неймётся: бегаем вокруг огня, кричим, шум, гам, луг ходуном ходит, ровно невесть что стряслось.

Глядим — вдруг из нашей деревни насос катит, из другой деревни люди бегут. Подъехали к нам те, кто с насо-

сом,— ни ругать нас, ни корить. Даже побледнели с испуга, только руками разводят.

— Взбредёт же этим бесенятам в головы! А мы думали, что ваша деревня горит! — говорят люди из соседней деревни.

— А мы думали — ваша,— отвечают наши деревенские.

Дали лошадям дух перевести да отправились все домой.

ДВЕ КРЫСЫ

Нашли как-то две крысы яйцо и вздумали его поделить. А яйцо это, оказывается, и ворона серая углядела. Смотрят крысы, а она тут как тут. Задумались, забеспокоились крысы. Как им быть? Куда яйцо спрятать? Утащить бы его скорее в нору, да нет, лапы коротки, яйцо ими никак не обхватишь. Катить его? Тоже не выйдет: разбиться может. Легла тут одна крыса на спину и обняла яйцо всеми четырьмя, а другая её за хвост. Так и уволокла в подполье.

